

Herbert
Witzenmann

DIE TUGENDEN
Zwölf
Monatsmeditationen

Dornach 1989

Герберт
Витценман

ДОБРОДЕТЕЛИ
Двенадцать
месяцев —
двенадцать
медитаций

Перевод с немецкого

Москва
«ЭНИГМА»
1996

ББК 84.4 Герм
В 54

Перевод с немецкого
И. Николаевской и Р. Цоллера
под редакцией
В. Бажусева

Макет и оформление
Сергея Стулова

ISBN 3-85704-148-X

© Herbert Witzemann
Stiftung, Pforzheim

ISBN 5-85747-033-1

© Издательство
«Энигма», 1996

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление

7

ДОБРОДЕТЕЛИ. ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ —
ДВЕНАДЦАТЬ МЕДИТАЦИЙ

46

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

71

ПРИМЕЧАНИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

87

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ
К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

95

К. Хартман

О ТВОРЧЕСТВЕ

ГЕРБЕРТА ВИТЦЕНМАНА

99

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

124

СОЧИНЕНИЯ

ГЕРБЕРТА ВИТЦЕНМАНА

140

ВСТУПЛЕНИЕ

I

ТРОЙНУЮ отраду приносит нам живительный сон; наш взгляд освежен и прояснен светом, наше сердце очищено и умиротворено теплом, поступь наша укреплена и ободрена изобилием созидających сил.

II

Не осквернив нашими устами тишины раннего утра, выйдем в сад. В молчании склонимся над распутившейся розой. То, что нам открывают форма, цвет и невинный запах лепестков, истинно, прекрасно и добро.

* Это вступление, как и последующие размышления о добродетелях, составлено на основании исследований Рудольфа Штайнера, что более подробно освещено в разделе "Примечания к первому изданию". — *Прим. ред.*

Ибо роза неизменно следует законам мироздания, она возвышает праобраз растения до ликующего откровения и ничего не требует для себя, а является бескорыстным благодеянием.

Такая гармоничная размеренность пристыжает и вместе с тем возвышает нас. Ибо она дает нам понять, что хотя природная часть нашего существа должна почтительно склониться перед благородством невинности, однако все, что мы сознательно вырабатываем в самих себе, превосходит даже самое прелестное из того, что дает эта простота. Ведь принимаемый нашими чувствами дар мы можем дополнить триадой человеческой нравственности. Итак, направим наши душевные силы на свободное, равное и братское состязание с розой.

III

1. Через наше *мышление*, которое владеет любым наречием, немая роза обретает речь. Оно может заставить ее отцвести, может свернуть в семя и вновь пробудить к новому цветению. Но всегда это один и тот же лик, мимику которого толкует наше живое понятие. В этом толковании оно подобно Протею, который, будучи способен к любой метаморфозе, каждый образ делает своим. Форма такого толкования — растворение

любого состояния в движении; смысл его — возвращение движения к его истоку, слову, которое выражает человека, произносящего его. Повелевает этой волшебной силой молния нашей воли. Метая ее в наше представление, тем самым вызывая его из мертвого оцепенения (которое удерживает ставшее) к жизни (которая приводит в движение становящееся), мы из зрителей превращаемся в сотворцов мирового процесса. Ибо теперь действительность для нас не только продукт, который мы отображаем, но процесс, в котором мы участвуем. Отныне мы не отображаем волну в косности нашего представления, где она замирает, но следуем за движением реки, в котором она рождается. Таким образом мы повторяем творчество розы и восхищаемся им. Ибо в нас бьет тот же источник, что и в ней. Ее развитие становится нашим, а наше — ее. Мы празднуем преобразование всего сущего через дух.

Многие хранители помогают нам сбегать гибкость понимания. Но узнать их нелегко, ибо вначале они скрываются под масками. Однако мы обладаем способностью различать, приподнимающей эти маски. Благодаря ей мы понимаем, что людям суждено быть хранителями друг друга. А ведь для этого нам нужно только умение владеть собой. Оно сильнее, чем желание высылать

свои собственные мысли, словно комариный рой, против чужих воззрений. Ведь именно в том и состоит благородство нашего мышления, что оно образует почву, куда может пустить корни чужое мышление. Через *наши* понятия мы ничего не узнаем о внутренней сути другого человека. Для нас она может раскрыться лишь через *его собственные* мысли. И даже не столько через содержание, сколько через их смысловую последовательность, звучание чувств и напряжение воли. Поэтому в сокровенности нашего мышления на более высокой ступени происходит то же самое, что и с розой, когда мы осознаём ее прелесть через ее достоинство, а сотворенное ею — через ее творчество. Ведь, окружая чужое мышление нашим молчанием, мы открываем в мыслящем больше, чем тот может открыть в себе сам. Ибо наше самоотречение снимает пелену с глаз, до этого сокрытых от нас маскою личности. Мы встречаемся со взором человеческой индивидуальности, которая не ограничена одной земной жизнью, но способна ко многим воплощениям. Сила становления этой индивидуальности движет теперь становящимся началом нашего собственного существа. Думая чужие мысли, мы обретаем силу души, превосходящую волю нашего собственного мышления. Ког-

да в нас мыслит другой, мы не дополняем — с помощью языка нашего познания, слова которого восходят к праязыку мышления, — сотворенное творением, как делаем это в случае с розой. Напротив, нашим молчанием, тем более пространным, чем строже оно отказывает себе в любом вмешательстве, мы создаем чистое пространство. В нем открывается, насколько самосозидание человеческой индивидуальности превосходит сотворенное в ней природой. И точно так же, как творчество розы озаряет ее явление, сверхличностное начало другого человека озаряет его личностное.

Сверхличностное, которое мы постигли, становится нашим хранителем. Ибо творческое начало, которое оно излучает, пробуждает все творческое и в нас. Оно рождается в этом постижении, даже если мы этого не осознаем. Ведь все истинно творческое — дитя нашего отречения от себя. (Ибо нет настоящего творчества без самопреодоления; оно есть активность; наши страсти стремятся поработить как нас, так и других.) И лишь самоотречение ведет мыслящее человеческое начало в нас к мыслящему человеческому началу в другом. Ибо творческая сила мышления есть отречение от себя: суть его — безграничное самозабвение. И отказ мышления от себя есть творческая сила: мышление про-

возглашает самое невзрачное творением Вселенной и таким именно образом является всеохватывающей связью.

Этот отказ от себя столь глубоко укоренен в нашем существе, столь неразрывно с ним связан, что отбрасывает свой отблеск даже на самое смутное сознание. Ибо даже самый свирепый проследивает ход мыслей своих ближних. Ведь только так он может найти зацепку, чтобы осуществить свое вмешательство. Пусть лишь на миг, но и он должен уступить чужому мышлению место собственного. Без остатка такой готовности не было бы никакого вида человеческого общения.

Но мы можем определить молчание своей задачей и вполне сознательно. Таким образом, оно не только открывает нам суть другого человека, но и ему самому — пространство, дотоле, может быть, ему неведомое. Воспринимая человека как нечто большее, чем то, как он сам представляет себя в своем повседневном сознании, мы пробуждаем в нем праобраз его индивидуальности. Он начинает ощущать себя более правильно, чем позволяло ему его прежнее самопознание. Но и для нас этот освобожденный взгляд становится наивысшим благодеем. Ибо равным образом он напоминает

нам о том лучшем, что есть в нас. Такой направленный на нас взгляд мы ощущаем каждый раз, когда мыслим не бесцеремонно, а внимая другому. Это благоговейное внимание может быть обращено на самое невзрачное, да и на путаное и даже на враждебное мышление. Ибо оно почитает не результат мышления, а мыслящее Я. А перед его величием мы всегда преклоняемся. Оно вызывает наше сопереживание тем настоящим, чем сильнее груз несовершенного вещества, предоставляемого плотью Земли делу самосозидания, обременяет его духовное существо. И бессмертное Я именно тогда несет свою благодарность самоотречению, когда последнее отводит взгляд Я от собственного его несовершенства. Ведь творческая уверенность, открывающая нам преходящее всего несовершенного и непреходящее стремления, может передаться многим, малодушие которых тает под нашим улыбающимся взглядом. Такой зов не остается без ответа. Человеческое Я, которому мы уверенностью и молчанием оказываем наивысшее почтение, отвечает нам защитой, какую распространяет вокруг себя творческое начало. Многие, будучи лишь ненадежными хранителями самих себя, могут таким образом стать нашими защитниками. Ибо их воздействие распространяется

шире, чем их знание. Благодаря такому воздействию, которое часто остается тайной для них самих, они помогают нам развить способность в созданном разглядеть созидающее. Праобраз этой способности мы постигли во встрече с другим человеком в сфере мышления. Это око, которое ощущает, как видит себя в нем другое око. При этом личность, находящаяся в плену своей телесной оболочки, может пройти и не заметить встречи, которой нас объемлет ее бессмертная индивидуальность. В своем повседневном сознании она может даже выступить как наш противник. Тот факт, что данная форма общения не известна общественному мнению, не опровергает вышесказанного.

Постигнув все это, мы смотрим на розу поновому. Благодаря духовной встрече с другим человеком дремлющее в нас творческое начало пробуждено к своему предназначению. Теперь мы обрели творческое отношение ко всему сущему. Ибо законы, обычно управляющие им под сенью вышних существ, теперь определяют ход нашего собственного мышления. Лишь тогда эти законы очеловечиваются. Поэтому их действие, распространившись внутри нас, требует от нас бдительности. Только контроль за мыслями, защищающий от блужданий и мечтаний, своим благо-

говением к божественному делает нас способными и достойными возвысить тяжесть чувственных явлений до нравственно-человеческого начала.

Очи человеческой индивидуальности, личности которой спали перед нашим благоговением, являются стражами и провожатыми такой почтительной открытости. Ее мы и преподнесли им, окружив мышление этой индивидуальности нашим молчанием. Теперь они оберегают наше молчание, дабы оно постоянно напоминало нам о благородно-человеческом, когда язык нашего мышления служит устами другим существам. Именно это постоянное присутствие человеческого, а не чувственный мир, и есть истина. Ибо она созидательна, и только наше творческое начало, стремящееся к человечности и уважающее ее, может найти дорогу к истине.

2. Подобным образом наша *воля* добавляет к ставшему начинанию, а к чувственному миру — нравственность добра. Праобраз этой нравственности — встреча людей в их воле-ниях.

Наше великодушие, независимо от благодарности или неблагодарности, способно одарять других созревшими для него плодами. Наше великодушное доверие может удостоиться дружбы с добром, ибо является до-

веряющим великодушием. Однако наше доверие ободряют не смертные люди, которые часто нас разочаровывают, но бессмертные индивидуальности, в круг которых ввела нас судьба. А они превосходят все наши ожидания. Если мы своим дружелюбием оказываем гостеприимство их свободе, они приветствуют наше стремление придать смысл миру ощущений.

Это стремление сообщает пластичному веществу развивающий импульс действия, придавая всему существу очеловеченный облик. Именно он, а не чувственный мир есть добро. Чтобы чувственный мир становился добрым, дружба шлет светить дальше свет духовного взгляда, который она пробудила в друге и получила от него обратно. Ее испытанная воля сообщает дару, прежде слепо подаваемому ее рукой, взгляд, который просветляется взглядом друга. Ибо в понимании, взор которого сопровождает дар и покоится на одариваемом, присутствует человеческое, воспринявшее это понимание в себя. Однако лишь контроль воли, обуздывающий блуждания и колебания, делает нас достаточно зрелыми и сосредоточенными для такого восприятия. Одаренный этой способностью, он — благодаря почтению ко всему существу — может облагородить бесознательно-чувственные феномены до

нравственно-человеческого. Зачарованное во всем сущем чаяние спасения, становясь душой наших деяний, требует этого по-садовничьи заботливого искусства. Только оно очеловечивает стремление каждого существа к становлению. Ибо семена, заложенные в них высшей рукой и ею же наделенные силой, доверяются теперь нашей заботе. Отныне все существа становятся провозвестниками нашего нового предназначения. Но только тот в состоянии вынуть ему, кто стал независим от всего, что противится в нем свободе. Ни от кого не зависит только тот, кто не стремится поставить другого в зависимость от себя. Встреча с другим человеком в сфере воли может пробудить в нас жертвенность. Она же осознает себя носителем нашей свободы. Последняя подступает к розе с новым умонастроением.

Именно это умонастроение вбирает в свой сопровождающий шаг такт шага друга. Дружный шаг свидетельствует о том, что встреча нашей воли с другой стала для нас пробразом благородного умения. Ибо эта встреча помогла нам выработать способность, которая обнаруживает и вызывает к жизни зародыш грядущего, жертвующего совершенством во имя нового начала. Эта способность придает нашему дароприношению волшеб-

ство человечности, являющейся не только жестом, но и утешающим действием. Оно пробуждает в даре дремлющее в нем грядущее. Многие, будучи лишь плохими хранителями самих себя, могут (выходя далеко за пределы собственных намерений и убеждений) стать нашими проводниками, оберегающими нас от того, чтобы в ставшем не узнать становящегося. Ибо бессмертное Я, оберегая нас от поверхностности, благодарит за защиту, которую обрело в нашей дружбе. Так мы учимся терпению, и в распадае прозревающему зародыш нового созидания. Даже если их повседневное Я, встреченное нами, впадает в отчаяние, недооценивая свои неисчерпаемые источники, или торжествует, пренебрегая ими, наша надежда, несмотря ни на что, все равно таит в себе окончательное преодоление всякого бессилия. С этой надеждой мы не расстанемся и тогда, когда лишь одна наша вера, не поддающаяся малодушию, чувствует потаенное мужество отчаявшегося или торжествующего. А благодарность их другого, бессмертного Я, связующая воплощения, достается нам как раз тогда, когда наша вера в его духовную высоту, преодолевая ослабление его духовных намерений, движет их дальше. Ведь мы тем глубже почитаем встреченное Я, чем тяжелее возложенный на него груз земной инкарнации, изба-

виться от которого оно столь тщетно стремится. Ибо для нас оно всегда высоко. Поэтому мы почитаем не видимое намерение, но стремящееся Я. Благодаря этому наша дружба может вступить в связь с самым непритязательным, да и нелепым и даже преступным волеизъявлением. Она достигает той высшей цели воления, доступ к которой не может преградить даже вражда. Возвышаясь до великодушия, дружба делает наш волевой настрой восприимчивым к внутреннему присутствию встреченного Я. Каждый раз, когда мы преобразуем нашу захватническую волю (которая, как бы ни гордилась она своей мнимой силой, на самом деле всего лишь показывает свою неуверенность) в волю лелеющую (которая велит нашему духу свободы неустанно предпринимать новые смелые попытки к доверию), мы постигаем, что восприимчивость есть истинная суть нашей воли. Эта восприимчивость, одаренная взглядом внутреннего присутствия встреченного Я, устремляет взор на новые, более значительные цели, которых мы доселе не замечали. Таким образом внутреннее присутствие человеческой индивидуальности становится для нас наивысшим благодеянием в ответ на благодеяние, дарованное нами, когда, невзирая на неудачи, мы призываем индивидуальность, превосходящую

ущербность личности, быть стойкой даже в крушении. Это стремление к стойкости мы препровождаем к внутреннему полю познания и действия; о нем, однако, скованному чувственными впечатлениями сознанию ничего неведомо. Как бы мы ни поддерживали деятельность, ищущую себе цели в сфере внешних ощущений, стремление к стойкости, столь притягательное для нас, относится к тайнам, питающим человеческую общеземную жизнь, словно подспудные подземные потоки. Между тем рычаги и пружины жизненной суеты, где люди изнуряют себя, обладают — вопреки внешней видимости — лишь незначительной силой. Более того, наше сознательное доверие открывает в подсознании людей, встречающихся с нами в своем волеизъявлении, сферу, от которой они часто отгораживаются.

Без малой толики такого сопереживания и со-воления (у древних греков прощение называлось “сопознанием”) между людьми не возникло бы никакого взаимодействия. Ведь и человек беспощадный не полностью утрачивает способность к состраданию. (Даже вор и убийца нуждаются в представлении о наших привычках и о нашем поведении, указывающем путь их инстинктам и насилию; и тот, кто охвачен жаждой мщения, должен обнаружить уязвимое место,

куда он может нас поразить. Поэтому он стремится разобраться в нашем внутреннем состоянии.) Ибо даже тому, кто презирает нашу свободу, необходимо хотя бы смутное ощущение уязвимости пружин наших действий. А как иначе смог бы он подвергнуть их своему насилию или своей мести? Та доверяюще-доверчивая сила, что объединяет людей, столь глубоко пустила свои корни в нашу природу и столь неразрывно с нею связана, что ее отсвет падает даже на преступление.

Поэтому мы вновь и вновь убеждаемся, что только жертва ведет волящее человеческое начало в нас к волящему человеческому началу во встреченном. Принесение в жертву нашей собственной воли возвращается к нам лучами жертвенности, которую (быть может, лишь в тайниках души) мы пробудили во встреченном. Наша жертва родилась из веры в то, что воля друга в своей глубине свята. Поэтому мы с ней слились. А эта вера имеет своим истоком благословение, исходящее от встреченной индивидуальности. В этом благословении берут свое начало все силы доверия в нашем волении — даже когда мы этого не осознаём. Тайна возникновения доверия всегда содержательнее, чем сознание о ней, — неважно, стремимся ли мы ее познать или недооцениваем. Но мы при-

нимаем (сознательно или бессознательно) дар, который предостерегает нас (тайно или явно) от блужданий точно так же, как наше доверие предостерегало дарующего. Его внутреннее присутствие может стать нашим богатством. Оно — ответный дар на защиту, которую мы даровали ему. Однако наше воление не может рассчитывать на защиту волящего начала сверхличностной природы встреченного. Наоборот, оно само нуждается в нашей защите от недопонимания и забвения собственной высшей сути. Но его ответный дар значительнее нашего. Ибо то, что остается недоступным личной воле, всегда человечнее ее самой.

И вновь общепринятое мнение не может выдвинуть контраргументом незнание; ведь духовная встреча не исключает даже врага, который полагает, что отгородился от общности с нами. Более того, дружба, объединяющая людей через вражду, может быть выше той, что хворает слабостью привычки. Правда, и на сей раз бытовое сознание, которое близкий нам человек (близкий больше внутренне, чем внешне) обращает вовне, необязательно обнаруживает свое внутреннее в нас присутствие; и хотя последнее — самое интимное, что ему присуще, но и для нас оно может быть самым захватывающим

и воодушевляющим. Это внутреннее событие (пусть оно даже не представляет никакой ценности для того, кто верит только в результат) имеет для нас отнюдь не меньшее значение, чем внешний успех, к достижению которого мы, конечно, также стремимся в меру наших сил. А нашей уверенностью мы создаем пространство для самопреодоления друга, самопреодоления, не подтверждаемого никаким внешним свидетельством. Она не спрашивает, совершается ли оно уже им: вечное в нем отвоюет его у преходящего. И как самопожертвование розы, проявляющееся в благоухании, превосходит ее совершенство, самопреодоление встреченного нами человека превосходит его скованность. Веря в это самопреодоление, мы вновь переживаем близость другой индивидуальности, не только способной ко многим воплощениям, но и выходящей пробразом их единства и неисчерпаемости. Наша дружба может осознать их внутреннее присутствие, которое утаивается от нас суеверием, рассчитывающим только на успех. Однако дружба дарит себя грядущему, этому духовному образу каждого человека (отбрасывающему, словно тень, тленное в настоящее). Дружба не стремится познавать грядущее иначе, чем его можно угадывать в настоящем. Но она чувствует его

формирующую силу. А поэтому желает существовать не в собственных намерениях, но в творчестве, которое придает намерениям друга осмотрительность. В непредсказуемости творчества дружба, являющаяся не договором, но обетом, познает богатство мироздания, залог мира в любви к свободе. Настоящая дружба стремится только к тому, чтобы содействовать развитию творчества в свободном человеке — именно потому, что оно непредсказуемо: наши умения должны служить не нам, а другому человеку, дабы он по своему разумению развивал их и тем самым самого себя. Кто способен к дружбе и знаком с ее волшебной силой распространять дух свободы, тот воздерживается от любых счетов с людьми. Он знает, что в них — смерть истинного прогресса, пусть даже кажется, что они служат развитию культуры и всеобщему благополучию. Ибо смысл дружбы — в том высшем событии, которое раскрывает цветок подлинной культуры. В этом событии на более высокой ступени происходит то же, что и с розой, когда ее целомудрие возвеличивается плодородностью, а ее совершенство — жертвой, претворяющейся в ощущение человека. Именно достоинство нашего воления принимает в себя благородное содержание чужих намерений, не навязывая им того, что

соответствовало бы только нам. Напротив, тот, кто следует разжигающим человеческие намерения порывам, как бы обставляет окружающих капканами, не замечая, что попадает в них сам. Но ведь, для того чтобы стать способным к подлинному общению, стоит только укротить вожделения нашей воли и их расчетливость. Как только нам это удастся, мы сразу же распознаем то сокровенное, что живет между людьми. Ибо у нас есть решительность, разгоняющая туман иллюзий. Ведь именно мы сами поначалу скрываем от себя то, что способно исцелять. Правда, в нашем стремлении к очеловечиванию мира мы не лишены защиты. Ибо она — та невидимая нить, которую прядут все люди, но которую никто не может ухватить сам, а может получить лишь от другого. Однако то, что исцеляет, мы недооцениваем так же легко, как и другое — предназначение нашего мышления.

Все-таки в нас действует самое человеческое, на что мы способны. Это — обет, который мы даем будущему. Ибо наше нравственное деяние осуществляет то, что выходит за рамки творения, охватывающего только биологического человека, и что не проявилось бы, не будь человека духовного. Тем самым мы становимся основателями нового. Ибо мы можем преобразовать наши побуждения

напряжением понимания. Тогда они становятся нашими сапогами-скороходами. Напротив, наши намерения — если их цели не определяются нашим познанием — превращаются в ловушку, в которую попадаем мы сами. Придавая же воле своим мышлением очеловеченную форму, мы можем одушевить ее дарующей добродетелью. Ведь наша воля может сорвать розу с куста и подарить ее обучающему, любящему или страдающему. И это — все та же вера, которая возвышает природное до духовного цветения и дает одариваемому понимание, воодушевление и жизненную силу. В мирном состязании с розой наша воля не должна отставать от мышления.

3. Подобным образом наше *чувство* преобразует разлад в мир, в гармонию. Оно приносит в чувственное царство нравственность красоты.

Своей задушевностью наше чувство венчает мышление с волей. Так оно объединяет эти части в завершенное целое. Это — дело его терпимости и последовательности. Если чувство достаточно понимает себя, оно проявляет терпимость к силе становления, заключенной в прошедшем, и последовательность в отношении его наследия, сковывающего будущее. Таким образом, бывшее ведет

чувство к будущему, а грядущее не отталкивает его в прошлое. Так оно становится предчувствием мироустройства, в котором встречные течения времени более не исключают друг друга. Ибо — в одухотворенной действительности — зависимости суть свободы. Цель чувства — способствовать этому, так как суть его — любовь, ибо она примиряет и спасает.

Мгновению, в которое распускается роза, наше чувство дарует вечность. Блаженство увековечивания наполняет нас именно тогда, когда мы не ограничиваемся тем, что либо только со-творим ее в нашем мышлении, либо только венчаем ее чувственно-зримое цветение духовным цветком в нашей воле. Мы охватываем и то и другое, когда обретаем счастье от ее красоты. Олицетворяя прошлое и будущее, красота розы говорит о своем надвременном праяобразе. Это счастье украшает нас самих. Оно пронизывает нас чувством свободы, радости и спокойствия.

И вновь мы можем быть уверены в защите. Однако теперь это не есть ни покровительство наше, ни ответный на него дар. Скорее, это доверительная близость обоих. То, что вначале скрывалось от нашего мышления под маской личного и ускользало от нашей необлагороженной воли, теперь долж-

но освободиться от этого двойного препятствия. Только высвободившись из скорлупы собственной ограниченности и оболочки навязанной предвзятостью других, оно сможет раскрыть свою истинную суть. Поэтому надо стремиться к невозмутимости, изгоняющей из нашей души метания симпатий и антипатий. Последние стремятся либо привлечь, либо прогнать других людей и тем самым совратить их на путь лицемерия или вражды. А наша невозмутимость превращает их переживание в наше собственное. Благодаря этому мы обретаем внутренний покой, необходимый для приобретения удивительнейшего опыта. Покой есть предчувствие силы веры, способной сдвинуть горы. Ведь при внутреннем осознании встреченного *Я* разрушаются преграды личного и молчит алчность желаний.

К этому опыту мы восходим по трем ступеням переживания. Сначала в состоянии внутреннего покоя мы приготавливаем себя к тому, что наступит. Затем в любящем отречении от мыслей собственных мы мыслим мысли другого человека. Наконец, мы познаем, что при думании чужих мыслей в движениях нашей души проявляется не наша собственная мыслящая воля, но воля другого *Я*. Мы осознаём, что хотя последнее и гасит наше *Я*, но одновременно загорается в нас

само. Это внутреннее присутствие не является ни чисто мысленным, ни чисто волевым: скорее это полное присутствие сущности.

Однако присутствие в нас другого *Я* воспринимало бы себя как недостойное, если бы не дополнялось иным событием подобного же рода. При взаимосообщении сущностей вышедшее из сознания своего первоначального носителя *Я* заполняет сознание встреченного, а *Я*, первоначально осознававшее себя в нем, переходит в другое сознание. Теперь каждое *Я*, только исходя из своего присутствия в другом человеке, может осознать, что занимает место, заполнявшееся в предшествующий момент его самосознанием. Это — вселившееся, а не собственное *Я*. И от такого обмена зависит, будут ли для нас другие люди индивидуальностями или особями, носителями бессмертия или невольниками смерти. [Возражение, будто это чисто теоретический конструкт, лежащий за пределами наших возможностей, приниматься не должно. Ведь речь идет как раз о явлении, противоположном умственному конструированию, а именно о свидетельстве душевного созерцания. Ему (если оно готово, не мудрствуя, представить себе то, что в состоянии охватить его взгляд) доступно не только присутствие “чужого” *Я* в собственном сознании (как самоосуществление другого *Я*,

стирающее акт его собственного самоощущения). Ему доступно также присутствие собственного Я в чужом сознании (как сообщенное языком, взглядом, жестом и общим содержанием встречи присутствием собственного мышления, а также самоощущения, оживляющего это мышление, внутри чужого сознания). Мало того, ему доступен взгляд на присутствие "чужого" Я в собственном сознании с точки зрения присутствия собственного Я в чужом сознании. Ибо этот взгляд обретает мерило для подготовки способности и готовности принять в себя другое Я на основе присутствия собственного Я в другом сознании. Ведь от способности жить в другом сознании беззаветно, а не эгоистично зависит другая способность: беззаветно принять в себя чужое Я. Именно такому строю наших наблюдательных возможностей мы обязаны правильной самооценкой наших способностей вообще. Ведь все наши способности берут свое начало в способности входить в общность. Ибо они суть способности к объединению с вещами, задачами и целями, на которые они направлены. То, к чему они призваны и что в состоянии совершать, — жить в вещах и природных существах и давать им возможность жить в нас. А их мерило — степень метаморфозы внутреннего и внешнего. Пробразом же способ-

ности к объединению и тем самым всех других способностей является объединение в человеческой встрече. Оно — источник и цель всего, что мы можем совершить.] Только в срединном существе другого человека, приютившего нас в своем понимании, мы обретаем верную точку зрения на наше собственное понимание этого человека. Такому опыту мы обязаны счастьем согласия, выходящего за рамки слов и понятий. Вознесенный восприимчивостью другого человека, этот опыт взирает на собственную суть, в которой обнаруживает присутствие не свое, но другого. Напротив, скудость и убожество непонимания — в бесплодном усилии вместо другого выразить более ясно самого себя. (Лишь безграничная терпимость может созерцать духовный облик другого человека. Однако она нуждается в поддержке наистрожайшей последовательности. Этим мы пробуждаем самое истинное в себе, дабы в нем раскрылся цвет души человека, вступающего в нас.) После такого скрещения восстанавливаются исходные соотношения сознаний. В свою очередь они являются отправной точкой для нового скрещения сознаний. Это чередование есть пульс нашей человечности. Своим ритмом оно возвышает Я и Ты к объединяющему Мы. В нем Я и Ты вдыхают и выдыхают друг друга.

Это дополнение одного Я другим есть праобраз человеческой общности. Ведь она проявляется в том, что каждое Я всем своим существом выступает то дарующим, то принимающим. Для Я, которое мы принимаем, мы становимся хранителями; ибо только в нашем почтительном внимании оно присутствует воистину. А Я, принимающее нас в себя, берет под свою защиту нас самих; однако достойным такой защиты может быть только наше внимающее почтение. Будучи носителем вступившего в нас другого Я, наше переживание принимает характер всеединого, становится его символом: ибо мы постигаем духовную суть человека не только в себе лично. Напротив, несомое Я, обитающее в сознании другого Я, обретает полное содержание индивидуального, становится его достижением: ибо, заполняя Ты, духовная сущность человека свидетельствует о том, что ее ценность превышает личное.

Однако это выдыхание себя внутрь защиты, принимаемой от другого Я, и это вдыхание другого Я внутрь защиты, оказываемой ему вдыхающим Я (с соответствующими значениями индивидуального и всеединого), согревает наше чувство только тогда, когда мы укрощаем наши предрассудки, расчетливые намерения, симпатии и антипатии. Ибо праобраз человечности может открыться во

взаимообмене двух Я только в вышине, над узко-личным, черство-корыстным и преднамеренно-злым. Такой опыт благодаря своей терпимости, последовательности и открытой вере в окончательное преодоление всего разобщающего дарит нам гармоничное равновесие переживания. Оно познает раскрытие другого Я в собственном существе с той же почтительной невозмутимостью, которая переживает раскрытие собственного Я в восприимчивости другого Я. Этот обмен сущностями (как праобраз всех способностей) есть первоначальный опыт тех многообразных объединений, какие выступают творениями нашей любящей формообразующей силы. Постепенно они воистину породняют нас с миром и заставляют, вопреки всем разочарованиям, надеяться на дружбу всех существ. Все это — в сердце, которое принимает тепло только для того, чтобы вновь его отдать.

Отсюда бьет источник прекрасного, художественного. Оно изначально заложено в нашем существе и так неразрывно с ним связано, что его отблеск падает даже на его осквернителя. Ведь и обыватель ищет одобрения, которое, не выставляя никаких условий, признает его существо таким, каково оно есть. Правда, он полагает, что признание, в котором он нуждается, должно отно-

ситься к косности, в которой он чувствует себя уютно, а не к самопреобразованию, ощущающему боль несовершенства. Он называет это удобством, правотой и своей полномочностью. И пусть он унижает своим притязанием самого себя и стремится унижить других: все равно он провожает взглядом улетающую от него ласточку. Ведь без обмена сущностями, согревающего общность своим теплом и, более того, превращающего ее из толпы в миролюбивое сообщество, между людьми не возникало бы никакой совместимости, никакого чувства безопасности (хотя бы тень истинного единения и ускользала от внимания душ, переживающих его подсознательно). Мерцание (пусть даже еле заметное) такой совместимости и безопасности есть след, который прекрасное оставляет и в самом отвратительном. Часто мы наблюдаем затухание или вспыхивание этого следа — и каждый раз тогда, когда сильнее всего ощущаем не самовосхищение или самооплакивание, но истинную готовность помочь. В этой готовности предоставление и принятие защиты встречаются и перекрещиваются как биение пульса и дыхание жизни людей, в общности которых проявляется прабразно-человеческое.

Такое желание помочь, пронизывающее чувства духовно соединенных душ, не отво-

рачивается от самого неловкого или ужасного и даже антихудожественное окутывает своим состраданием. Ибо эта страдающая помощь оказывается не чему-то ставшему, но формирующемуся Я. Ведь оно всегда высшей природы и нуждается в нашем участии больше всего именно тогда, когда ему приходится в одном из своих воплощений вступить на путь испытания лишениями, побуждающими его отказываться от прекрасного. И именно тогда бессмертное Я благодарит нас своей сокрытой нежной красотой, когда наша радость формирования (которое черпает новый образ из нераскрытых тайников его индивидуальности) ободряет его в бессилии, сковывающем его формирующую силу. Оно благодарит и защищает нас посредством обмена духовного дыхания. Таким образом, многие, будучи плохими творцами самих себя, могут стать нашими наставниками, ибо помогают нам развивать самую великолепную из наших способностей. Она обнаруживает заколдованную в веществе форму, одухотворенную в форме вещественность. Но и эта встреча остается скрытой для мира будней, хотя приносит ему утешение и могла бы украсить его своим сиянием.

Углубленность нашего чувства не имеет предела. Осознав источник этой углублен-

ности и утонченности, оно преображенным обращается к розе. Мы воспринимаем искусство творения, зачарованное в ней. Оно становится укором безобразию нашей души, которая далеко отстаёт от совершенства нашего тела. Душа чувствует, что только своим преобразованием в художественное творение может оправдать свое дальнейшее существование. Более того, она чувствует в себе силы начать эту работу над собой. И если только она не ослабеет в этом стремлении, ей удастся создать прекрасные творения. Ведь без опыта в искусстве самотворчества невозможно заниматься никаким искусством вообще. Но без опыта в создании произведений искусства истинное самотворчество, в свою очередь, столь же далеко от цели. Одно не может обойтись без другого, потому что оба суть одно и то же. Это равно направленное вовне и внутрь искусство заставляет нас в своих произведениях (даже если они не возвышенны, а всего лишь истинно прекрасны) воспринимать миг как вечное, а вечность — как настоящее. (Это непреходящее существование, которого не дано страсти, которое способно претворить отречение в красоту явленности.) Пусть презирающие прекрасное насмеются над этим сколько угодно, но в истинном искусстве все равно проявляется вечное настоящее. Ибо в худо-

жественном переживании — именно потому, что его любовь обращена к индивидуальному, — растворяется все разъединяющее. Оно употребляет все свое умение, чтобы выразить своеобразие одних существ, которые могут стать зеркалом и жизненной стихией других. Ведь каждая часть прекрасного вмещает в себе целое, которому принадлежит и которое из себя излучает. Так прекрасное преодолевает время, даже если само представляет себя во времени. Благодаря ему чувственный мир становится вневременно-духовным. Упраздняя время в восприятии целого, мы очищаем наше сердце, дабы оно смогло примерить одежды, сотканные красотой для розы.

Так наше отношение ко всему сущему преисполняется фантазией, ибо фантазия живет в существах, созданных ее формирующей силой, и дает последней возможность жить в ней самой. Пробразом фантазии является обмен сущностями в человеческой встрече. Он возвышает *Я* и *Ты*, объединяя их в *Мы*. Это двойное искусство: через самоформирование обрести достоинство для высшего формирования других существ, а через высшее формирование других существ — достоинство для самоформирования. Оно окрыляет фантазию. Для нее каж-

дое существо будет символом сотворенного мира, окружающего его. Одновременно оно становится для нее ростком рождающегося мира, который целиком пропитан его, этого существа, своеобразием. Так в каждом своем творении фантазия ощущает себя как *Мы*. Таким образом истина содержания преобразуется в более высокую истину — истину формы, а доброта поступка в нечто более нежное — доброту прекрасного явления.

Смирение и воодушевление становятся творцами этого изобретающего искусства, когда люди, принимая и предоставляя друг другу защиту, обращаются к их импульсам. Именно это непрерывно плодоносящее искусство, а не чувственный мир есть прекрасное. Ибо в своем смирении оно преклоняется перед всеми существами, а в своем горделивом воодушевлении возносит их над собой. И лишь благодаря смирению и воодушевлению воля просветляется, а мышление собирает силы для нового дня.

В обмене чувств переплетаются мышление и воля, прошлое и настоящее, защита и защищенность. Воля — это молот, мышление — наковальня. Однако лишь чувство вдыхает жизнь в творение, которое предстоит выковать. Это жизнь, в духе общности преодолевающая вызванную обособлением смерть. Обмен сущностями в человеческой

встрече есть праобраз нравственности, суть которой — красота.

IV

В благородном состязании с розой нашим мышлению, чувству и воле, может быть, удастся добавить к ее чувственному явлению триаду нравственного. Это продолжение творчества природы есть молчание, задушевность и жертвенность духовного человека. Человеческая общность является школой жизни для такого высокого призвания. Если бы мы пусть тихо, но постоянно не мыслили мыслей других людей, не чувствовали их в себе, а нас — в них, не обращали их волю в нашу собственную, не было бы ничего, кроме войны всех против всех. Но три основы нравственности — поскольку только в них и проявляется достоинство наших душевных сил — одновременно выступают основами человечности. Участвуя в творении розы, наше мышление может им восхищаться. Думая мысли других людей, мы сообщаем нашей деятельности ясность познания. Говоря: “Я — это Ты, Ты — это Я”, наше чувство может любить красоту розы. Обмен сущностями в человеческой встрече согревает нашу любовь к прекрасному. Доверяя обновлению мира, наша воля может слиться с добротой розы. Вбирая чужую волю в собственную, мы

черпаем из жертвенного источника, который закаляет это познание-доверие мужеством духа. Здесь рождается обет: посвятить наивысшую любовь свободе — как другого человека, так и своей. Глаза, сердца и руки, раскрывающиеся в человеческой встрече, суть защитники и вожаки этого тройного стремления. Они воспаляют наше мышление огнем воли и освещают наши деяния светом мысли. Они наделяют наше чувство, объединяющее волю и мышление, задушевностью. Однако эти три душевные силы нуждаются в поддержке терпимости, последовательности и веры, которые вносят в их объединенное действие гармонию. Теперь они могут быть столь же невозмутимыми, сколь и целеустремленными. Если в работе над собой мы продвинулись так далеко, то в круг наших качеств и достижений вступают призванные ею другие силы, которые движут миром и укрепляют его. Трезвый и продуманный подход приводит наши решения в соответствие с нашими способностями. А то, что мы осуществляем нашим действием, обретает покой и бодрость духа, предаваясь свершениям судьбы.

V

1. Смысл счастья состоит в том, чтобы трехкратно возвысить чувственный мир до нрав-

ственного и тем самым трехкратно очеловечить его. Цвета этого счастья суть времена года души, которые мы называем *добродетелями*. Благодаря им созревание становится омоложением души, а юношеская свежесть — рассудительностью.

2. Добродетели сводят сокровища, накопленные для нас прошлым, в зерна для посева и расширяют творчество, зародыш которого покоится в нас, до созидания будущего. Они — великие преобразователи.

3. Глубоко укоренившись в человечности, они помогают нам устоять перед колебаниями. В то же время они предвосхищают ход мирового процесса, дабы следовать его духовному водительству. Они дарят Веру, Любовь, Надежду.

4. Они радостны, ибо заставляют отступить тяжесть нашего тела, стремящуюся сковать мышление. Они серьезны, будучи совестью, стоящей на страже нашей стойкости. Они дают нам силу и мудрость.

5. Поскольку они в своем многообразии все же едины, то могут восполнить до целого всякую фрагментарность. Поскольку их свет открывается во многих красках, они разоблачают несовершенство любого воззрения, которое мнит себя всеобъемлющим. Так они вливают в каждую нашу слабость укрепляющее снадобье. Они излечивают отчаяние,

превращая его в смирение, и высокомерие, превращая его в воодушевление.

6. Они верят в окончательную победу свободы во всех человеческих сердцах. Ведь своим возникновением они обязаны этой победе. И они разрывают любые оковы, стремящиеся поработить успехом их нравственную любовь к поступку. Потому они суть хранители человеческой общности.

7. Мы замечаем их, когда умонастроения нашей души, просветленные нашим духом, проходят по ориентирам мирового пути, как планеты по кругу Зодиака. Ведь благодаря отказу от себя и непреклонности мы придаем нашим порывам согласованность и надежность, которые в своем стремлении вовсе не обязаны считать себя недостойными гармонии и уравновешенности, одушевляющих небесные тела движением и порядком. Ибо ни один из одухотворенных членов Солнечной системы и здорового душевного организма не хранит достигнутое лишь для себя. Напротив, каждый отдает свое как часть взаимной ноши целому, которому он принадлежит, чтобы вновь и вновь принимать от него творческие силы.

VI

Добродетели, способные действовать только в человеке, превосходят природу. Они рож-

дают из природы культуру и развивают тем самым то, что осталось незавершенным в творчестве природы. Так добродетели становятся нашими великолепными помощниками. Они являются нам во всем своем достоинстве и прелести как дружелюбные и возвышенные существа. Они похожи на Муз, ибо привносят в мир поэзию. Но свои способности к художественному творчеству они подтверждают не только тем, что дополняют чувственный мир нравственным началом. Они способны также вносить нравственное непосредственно в мир ощущений. Тем самым они облагораживают наше тело, приумножая силы его восприятия. Цель этого облагораживания состоит в том, чтобы преобразовать наше сознание, воздвигающее вначале между миром и нами барьер, в орган, который свяжет нас с духом вещей. Однако сфера действия добродетелей еще шире. Она охватывает все состояния и предметы нашей жизни. Ибо добродетели стремятся придать ей форму, соответствующую Истинному, Прекрасному и Доброму.

Однако самую свою потаенную и вместе с тем самую очевидную работу они совершают в жизни нашей души. Внутренние времена года как основы зрелой радости и источники юношеской серьезности дарят жизни нашей души (через стягивание и расшире-

ние, стояние и продвижение, легкость и строгость, смирение и воодушевление, любовь к свободе и ее силу, очищение и ориентацию в мире) не только многообразие красок ее характера, но и органичность ее строения. А оно развивает расправляющую прямизну не из различий между этими временами года, а из их бракосочетания. Ибо ни одна из добродетелей не исключает другие, более того, каждая других призывает. Пробраз становления, являющийся одновременно корнем, цветком, плодом и семенем, преобразует свое стремление к росту в прямизну осанки. Так он становится человеческим достоинством. Поэтому и в Рождество могут распускаться розы души.

VII

Для переживания наших душевных сил, не знающего ограничения во времени, сон — нечто большее, нежели просто подарок природы. Он — не только ценнейший дар, который мы принимаем; в свою очередь и мы несем ему то, что стало для нас счастьем свободы. Ибо через победу над низменной частью нашей природы мышление и воля в нас объединяются в духовно правомерные вопросы. Их мы почтительно несем нашим защитникам. Мы ждем от них ответов, которые звучат, пока молчат наши внешние чувства. От-

звук нашего восприятия объединяет чувственное и нравственное в одно целое. Так наш шаг одновременно направляется мудростью и укрепляется добром, сердце излечивается задушевностью и согревается красотой, взгляд обостряется жертвенностью и проясняется истиной. Отголосок нашего вопрошания, ведущий нас через ночь в день, дарит наше пробуждение — пусть даже нам, чтобы проснуться, долго еще потребна будет опора в телесности — прекрасной уверенностью. Это уверенность в том, что предназначенные для полета крылья окончательно расправятся, когда наш дух преодолеет всякую несвободу.